

На рассвете, как и всегда, поднявшееся солнце пробилось сквозь оголённые зимние деревья и пролилось на бескрайнее снежное поле, окрашивая изначально белый снег в переливчатые краски.

Бянь Хун открыл глаза. Они с Жун Фэном сидели, прислонившись спинами друг к другу, на расстеленной на земле звериной шкуре. Стоило лишь чуть приподнять голову и вокруг, вплотную сбившись в один круг, виднелись маленькие круглые, пушистые макушки золотистых обезьян. Ночью все они были припорошены падающим снегом, но с появлением утреннего солнца обезьяны одна за другой встряхнулись, стряхивая с себя снежный покров, чтобы солнечный свет мог упасть прямо на их головы и согреть их.

Этой ночью они спали, сменяя друг друга: обезьяны, находившиеся снаружи круга, по очереди протискивались внутрь, чтобы согреться. Благодаря такой череде смен даже в снежную ночь ни одна из них не рисковала замёрзнуть. И Бянь Хун, и Жун Фэн были в шляпах, которые в таком снегопаде хоть как-то защищали от снега, поэтому ночью многие обезьяны тоже по очереди забирались под поля их шляп, прячась от непогоды. А одна самка и вовсе, не колеблясь, сунула в объятия Бянь Хуна своего совсем недавно родившегося, ещё боящегося намокнуть под снегом детёныша.

Маленькую обезьянку положили в объятия постороннего, и она нисколько не испугалась: лишь моргнула своими круглыми глазками и, воспользовавшись моментом, вытянула мягкие лапки, обняв Бянь Хуна за шею. В обезьяньей стае забота о детёнышах - дело самое обычное; порой даже самки без собственного потомства наперебой стремятся получить такую возможность. А этой ночью шляпа на голове Бянь Хуна неожиданно принесла ему подобную честь.

Бянь Хун никогда прежде так близко не соприкасался с животными и потому поначалу растерялся, неловко застыв, то и дело оглядываясь на мужчину за спиной. Жун Фэн, обернувшись и увидев, как маленький мохнатый зверёк вцепился в шею юноши, лишь слегка расширившего от неожиданности глаза, не стал его освобождать. Напротив, он потянул с себя длинную и широкую звериную шкуру, накинутую на плечи, укрывая ею и обезьянку, и Бянь Хуна вместе.

С внутренней стороны шкура была подбита - мать Жун пришила к ней толстый слой ваты и мягкой ткани. Так Бянь Хун, прижимая к себе детёныша, оказался вместе с Жун Фэном тепло и надёжно укутанным в одно общее укрытие. Ветер, завывающий снаружи, и снег не могли пробиться внутрь. Маленькая обезьянка вытянулась, прижалась к Бянь Хуну и всю ночь спала спокойно и смирно. Бянь Хун, прижимая к себе это мягкое, тёплое тельце, подумал, к своему облегчению, что у обезьяньего детёныша, к счастью, нет привычки мочить постель, как у Гуаньбао.

Эта мысль заставила его вспомнить Юаньдина и Гуаньбао. Когда-то и они вот так же, в бесплодных, холодных и опасных горах, пугливо жались к нему в объятиях, а он, выпрямляя свои исхудавшие плечи и спину, среди недобрых, жадных взглядов таких же беженцев становился для них непреклонной преградой. Но теперь он уже мог позволить себе слегка опереться на спину мужчины позади, а тот, встречая лицом ветер и снег, заслонял его собой.

Солнечные лучи, пролившиеся на стаю, постепенно будили обезьян: они прижимались друг к другу, тёрлись боками, и их золотистые, густые, лоснящиеся спины под утренним светом сияли ещё ярче. Вожак обезьян тоже протиснулся поближе. Он был заметно крупнее остальных, шерсть у него была гуще и ярче, а морда и бакенбарды уже тронуты сединой. Теперь он сел рядом с Жун Фэном, внимательно, долго разглядывал его, а затем, вытянув длинные руки, обнял мужчину. Так обезьяны выражают привязанность между членами стаи. Они, как и люди, относятся к приматам, обладают богатыми чувствами и высоким разумом; быть может, этот старый вожак ещё помнил Жун Фэна ребёнком - тем самым мальчишкой, что когда-то вместе с ними раскачивался на лианах в горном лесу.

Стая понемногу начала оживать. Маленькая обезьянка, что спала у Бянь Хуна в объятиях, тоже проснулась: проголодавшись, она уткнулась пушистой головой ему в грудь, неловко тычась и вытягивая губы в поисках молока. Бянь Хун, вырастивший в своё время совсем маленького Юаньдина, сразу понял, в чём дело. Он раздвинул шкуру, которой они были укрыты, и осторожно передал тёплого детёныша наружу. Обезьянку подхватили, передали по кругу, и вскоре она оказалась в объятиях матери, закрыла глаза и жадно припала к её груди.

Заметив, что Бянь Хун уже проснулся, одна из обезьян, тоже довольно крупная, осторожно под села к нему сбоку. Убедившись, что её не прогоняют, она вытянула руку и начала тихо, аккуратно перебирать пряди волос Бянь Хуна, сосредоточенно раздвигая их, словно выискивая несуществующих вшей и мелких насекомых. Бянь Хун, глядя на обезьяну с предельно серьёзным выражением морды, находил её одновременно красивой и трогательной и даже задумался, не следует ли и ему в ответ из вежливости поискать у неё каких-нибудь «паразитов».

В этот момент Жун Фэн, закончивший своё безмолвное «приветствие» со старым вожаком, обернулся и как раз увидел эту сцену. Он не стал раздумывать ни мгновения - резко открыл рот и с хриплым «сс-ха!» отогнал обезьяну. Однако та повела себя неожиданно: вместо того чтобы отступить, она выгнулась, оскалила зубы и встала напротив Жун Фэна, вступая с ним в немой поединок взглядов.

Это столкновение человека и обезьяны всполошило всю стаю. Солнце уже поднялось, снег прекратился, и в лесу стало заметно теплее, так что необходимость тесно жаться друг к другу исчезла. Обезьяны окончательно разошлись, но собрались кольцом вокруг Жун Фэна и той самой обезьяны, громко перекликаясь и возбуждённо вереща.□□

Бянь Хун сам не понял, почему вдруг так напрягся: он поспешно подхватил расстеленную на земле звериную шкуру и осторожно отступил назад. Но, как ни странно, та самая обезьяна, увидев, что он отошёл в сторону, двинулась за ним следом. Жун Фэн тут же протянул руку, чтобы преградить ей путь, и в следующий миг всё произошло разом.

Вокруг раздались возбуждённые крики стаи, будто подбадривающие участников. В этой суматохе Бянь Хун выкрикнул Жун Фэну:

— Она не злонамеренна, она не причинила мне вреда, не нужно её прогонять!

Но тот не только не остановился - напротив, он резко прижал обезьяну к земле прямо перед Бянь Хуном и, глядя ей в глаза, силой принудил к покорности. Обезьяна ещё какое-то время яростно сопротивлялась, но против человеческой силы ей было не выстоять. В конце концов она вынужденно признала поражение, отвернула голову в сторону, и лишь тогда Жун Фэн разжал руку. Освободившись, она с досадой отпрянула и скрылась среди сородичей.

— Она ведь была настроена дружелюбно... — всё ещё вступался Бянь Хун за ту милую, ни в чём не повинную обезьяну.

Жун Фэн сделал шаг вперёд и встал прямо перед Бянь Хуном, опустив взгляд и пристально уставившись на него. Разноцветные глаза - один карий, другой голубой - в лесном полумраке выглядели ещё более звериными и свирепыми.

— Так ты, значит, предпочёл бы остаться здесь и помогать им растить детёнышей?

Безумие.

Жун Фэн бросил на юного ланьцзюня короткий взгляд, вздохнул и отвернулся.

— Он ухаживал, — сказал он просто.

И при этом, по умолчанию признав их с Бянь Хуном парой, обезьяна попыталась бросить Жун Фэну вызов, чтобы отвоевать Бянь Хуна себе. В мире природы ни один самец не способен стерпеть подобного, и Жун Фэн не считал себя исключением. К тому же, учитывая разницу в силе, он и так уже проявил сдержанность.

Бянь Хун на мгновение опешил, а затем не смог сдержать кривой улыбки - выходит, в мире зверей он тоже пользовался немалой популярностью. Он покачал головой и пошёл следом за Жун Фэном, который уже двинулся дальше в путь.

После этого небольшого происшествия обезьянья стая двинулась дальше вместе с ними к более высоким участкам горы. В окрестностях соснового бора они задержались уже довольно долго, наевшись жирных кедровых орехов и хвои, но теперь им требовалось восполнить минеральные вещества и витамины, а потому нужно было менять место кормёжки и подниматься выше, чтобы обгладывать кору и лишайники.

Завтрак у Бянь Хуна и Жун Фэна тоже был предельно прост. Жун Фэн вынул из-за пазухи лепёшки, аккуратно завернутые в промасленную бумагу; благодаря бережному хранению они оставались мягкими и источали тёплый, аппетитный аромат. Держа лепёшку в руках, Бянь Хун вдруг почувствовал, будто время и пространство сместились.

В прошлый раз он ел такую же лепёшку на дороге бегства - среди голой, выжженной земли, усыпанной мёртвыми телами, где повсюду попадались люди с пустыми, оцепеневшими

взглядами; кто-то уже не мог идти дальше и просто сидел рядом с умершими от голода родными, дожидаясь, чтобы хотя бы умереть рядом с ними. А он сам тогда был похож на исхудавшего до костей, изголодавшегося, но настороженного и яростного волка, готового любой ценой защищать своих детёнышей. И даже теперь он всё ещё не мог избавиться от кошмаров, которые из ночи в ночь возвращались к нему.

Но на этот раз они шли по гребню горы, где снега было немного, ведя за собой золотистую обезьянью стаю. Стоило повернуть голову в сторону, и перед глазами открывались бескрайние лесные моря и снежно-белые вершины. Гора Мэмэн, таинственная и опасная, даже зимой дарила ощущение бесконечной жизненной силы. Обезьяны, шедшие рядом, то и дело выкапывали из-под тонкого слоя снега упавшие плоды и временами протягивали их Бянь Хуну и Жун Фэну, словно делясь находкой.

Он откусил кусочек - холодный, кисло-сладкий сок мгновенно наполнил рот естественным фруктовым ароматом. Бянь Хун молча подумал, что Гуаньбао и Юаньдину это наверняка пришлось бы по вкусу. Он машинально, очень осторожно очистил косточку и оставил её лежать на ладони. Быть может, когда-нибудь, если судьба будет к нему благосклонна, если ему всё же суждено обрести конечный приют, он посадит это семя у дома и будет ждать, пока оно пустит корни и даст росток, пока раскинет ветви и принесёт плоды.

- А сможет ли семя, побывавшее на морозе, выжить? — он и сам не был уверен.

Жун Фэн обернулся:

— Дай посмотреть.

Бянь Хун на мгновение заколебался и не стал касаться широкой мужской ладони. Он положил косточку в руку Жун Фэна через холодную прослойку воздуха, не касаясь его кожи.

Жун Фэн посмотрел, затем вернул косточку Бянь Хуну:

— Может.

Бянь Хун почувствовал нечто почти чудесное. Ему захотелось верить, что человек тоже способен быть похожим на это семя: сколько бы суровых испытаний ни выпало на его долю, он всё равно может обрести новое рождение.

Вскоре они расстались с обезьяньей стаей. Та добралась до приглянувшегося места кормёжки: здесь не было следов крупных хищников, а на толстой коре деревьев густо разросся тёмно-зелёный мох. Старый вожак сидел на ветке, его шерсть под солнечными лучами отливала золотом. Он долго смотрел вслед удаляющимся Жун Фэну и Бянь Хуну. Долгие годы наделили его немалой мудростью, он, казалось, понимал, что такое расставание, но не испытывал печали. «Люди» - это род с долгой жизнью и удивительной живучестью; если годы позволят, он ещё встретит того, с кем когда-то рос в лесу, вместе прыгал по кронам и срывал самые сладкие

плоды. А быть может, в следующий раз тот придёт уже со своим детёнышем и, подобно ему самому, создаст собственную стаю.

Путь в горах был труден: дорог почти не существовало, и, пробираясь меж скал и лесных чащ, даже при наличии примерного направления приходилось прилагать немало сил. К счастью, по дороге не случилось ничего необычного. Зимой гора Мэмэн в целом была тихой и безмолвной: большинство живых существ, спасаясь от суровой стужи, спали в укрытых логовах, а немногие, кто выходил на поиски пищи, скрывались под покровом глубокого снега.

Опытные звери, ступая по снегу, не издают ни звука и не оставляют следов - именно так подумал Бянь Хун, когда на снежном склоне, поджав свои толстые широкие лапы, остановилась куница с фиолетово-бурым мехом и стала наблюдать за приближающимися людьми. Эта куница, похоже, была необычайно любопытна: она то исчезала, то вновь беззвучно сопровождала их на протяжении всего пути. Но стоило Бянь Хуну обернуться, и на снегу не оставалось ни малейшего следа; лишь сама маленькая куница то пряталась за деревом, то стояла прямо посреди снежного поля, вытягивая мордочку и с любопытством поглядывая на них.

Однако, когда они проходили мимо участка каменистой гряды, куница наконец решилась - одним прыжком она оказалась на плече у Жун Фэна. Обнюхав его, зверёк успокоился и свернулся, прижавшись. Причина была проста: по другую сторону каменистой россыпи мелькнула тень крупного бурого медведя. Не только куница, даже Жун Фэн, потянув Бянь Хуна за собой, ненадолго остановился у громадного валуна ростом с человека, затаившись и молча дожидаясь, пока зверь уйдёт.

Та медведица была поистине огромной: мощное, исполинское тело, а что ещё опаснее - рядом с ней шёл детёныш. По всем правилам они уже должны были залечь в берлогу, но, вероятно, у медвежонка ещё не накопилось достаточно жира, и потому мать продолжала поиски пищи. В это время самка могла быть особенно раздражительной. Даже Жун Фэн проявил редкую осторожность: он отодвинул Бянь Хуна себе за спину. Сидевшая у него на плече куница тоже прекрасно чувствовала обстановку - в одно мгновение она метнулась с плеча Жун Фэна на плечо Бянь Хуна. Крохотное существо, но инстинкт самосохранения у него был отменный.

Лишь когда громадная медведица, уводя за собой детёныша, медленно удалилась и отошла достаточно далеко, они продолжили путь. Куница снова перебралась на плечо Жун Фэна: по сравнению с чуть более хрупким плечом Бянь Хуна оно казалось ей надёжнее. словно она выбрала себе в лесу удобный и безопасный «транспорт». Когда же они окончательно вышли за пределы каменистых владений медведицы и добрались до места, приглянувшегося кунице, зверёк ловко спрыгнул с плеча Жун Фэна и, не оставив ни следа, растворился в снегу.

Всё происходящее казалось Бянь Хуну новым и непривычным. Изначально он решил войти в Мэмэн лишь затем, чтобы в случае, если Жун Фэн во время обхода гор окажется в беде, суметь подставить плечо и не допустить, чтобы тот снова был ранен. Но действительность оказалась совсем не такой, какой он её представлял. Теперь он понемногу начинал понимать чувства Жун Фэна. Для посторонних Мэмэн - место, где на каждом шагу таится опасность, где из десяти вошедших девять не возвращаются. Для Жун Фэна же это была земля, на которой он вырос с детства. Он знал здешние законы и здесь имел своих, особых друзей.

Во внешнем мире он был изгоем, чужаком, а на этой горе словно рыба, вернувшаяся в воду, естественно и свободно сливавшаяся с окружением.

Но Бянь Хун не замечал одного: и для самой горы этот мужчина оставался существом на границе. Все живые племена могли сопровождать его лишь часть пути, а затем в подходящий момент расходились с ним, каждый своей дорогой. Если бы он оглянулся и посмотрел на следы, тянущиеся по снегу за их спинами, то увидел бы: хотя там и переплетались отпечатки лап и ног самых разных существ, к нынешнему мгновению этот путь всё равно превратился в дорогу двух людей, идущих вперёд вдвоём, в одиночном, неторопливом странствии.

А до этого сколько раз он бродил в одиночестве, без спутников и свидетелей? Этого уже не узнать.

—

После нескольких дней пути они добрались до краткосрочной точки маршрута обхода - к границе, где Мэмэн с другой стороны соприкасается с землями человеческих поселений. Именно здесь горные реки собирались в обширное озеро, а затем, сливаясь, уходили дальше, к равнинам.

Десять ли зеркальной глади - большое озеро, скованное инеем и снегом.

Но нынешний холод ещё не достиг своего предела: лёд на поверхности был неравномерным, местами тонким. Человеку ступать по нему было крайне опасно, в любой миг можно было провалиться в ледяную воду. Лишь в самые лютые морозы, в разгар «трёх девяток», эта ледяная гладь становилась крепкой, словно суша, и по ней можно было идти без опаски.

Некоторые отчаянные смельчаки именно в самые холодные дни решались пересекать озеро как единственный более-менее безопасный путь к окраинам Мэмэн. Одни шли за редкой добычей, другие за ценными лекарственными травами, закладывая в игру собственную жизнь ради призрачного богатства. И именно в такие времена чаще всего случались беды. В прежние годы стражи гор обязательно усиливали патрулирование этой местности в разгар зимних холодов. Но из-за тяжёлой болезни матери Жун Фэн уже давно не заходил так далеко.

Для удобства стражи гор ещё давно, в скрытом месте под землёй, выстроили здесь прочный каменный дом. Этой ночью Жун Фэн и Бянь Хун остановились именно в нём - в крепком, надёжном убежище, наполовину скрытом под землёй, которое за несколько поколений стражей обрастало всё новыми камнями и укреплениями, постепенно превращаясь в настоящую тайную крепость.

Обычный человек, проходя мимо, ни за что бы не догадался, что под небольшим приподнятым холмиком возле старого дерева скрывается безопасное укрытие. Жун Фэн называл это место «маленьким курганом». Заметив удивлённый взгляд Бянь Хуна, он добавил, что так его называл ещё учитель. По всему видно, что у стражей гор привычка не обращать внимания на дурные приметы передавалась из поколения в поколение.

Вход зарос сорной травой, никаких ступеней не было вовсе, и вдруг из земляного отверстия выскочил заяц. Видимо, чтобы не утруждать себя рытьём собственной норы, он решил занять это давно заброшенное место и считать его своей территорией. Разумеется, этот заяц поплатился за свою неосторожность: вечером они уже ели суп из зайчатины.

Когда Жун Фэн ловил зайца, Бянь Хун думал, что всё будет так же, как в предыдущие дни, - развести костёр, поджарить мясо и на том закончить. В дикой местности горячая пища сама по себе редкая удача. Но он и представить не мог, что под этим «маленьким курганом» скрывается совсем иное пространство.

Вход туда был замаскирован в яме - тёмный и узкий. Такая обстановка была Бянь Хуну слишком знакома и именно поэтому невыносима. За его недолгую жизнь тьма почти всегда ассоциировалась с болью и жестокостью, напоминая о том, что под внешне спокойной и надёжной землёй часто скрывается иное, страшное лицо.

Уже долгое время у него не случалось приступов, и это почти заставило Бянь Хуна поверить, что он стал нормальным человеком, что в этом мире он сможет, стиснув зубы, жить дальше и вырастить двух младших братьев.

Но в этот миг дрожь в руках и сбившееся дыхание ясно дали ему понять: есть раны, которые навсегда остаются с человеком - в теле и в душе. Он ничего не сказал. Лишь снова закрыл глаза, задержал дыхание и, собравшись с силами, пошёл следом за Жун Фэном вниз. Не войти - значит не пережить ночь, наполненную воем ледяного ветра.

К счастью, путь оказался недолгим: впереди показалась каменная стена. Жун Фэн поддел её в каком-то месте, и тяжёлая плита сдвинулась, открыв спрятанную за ней небольшую каменную комнату. Мужчина первым делом достал из-за пазухи огниво, подул на него и зажёл масляную лампу, висевшую у входа.

Когда загорелся огонёк, пространство слегка осветилось. Увидев свет, Бянь Хун незаметно выдохнул, выпуская застоявшийся в груди воздух.

Помещение было около четырёх-пяти метров в ширину: внутри имелись стол, стулья и скамьи, стояли котлы, миски и прочая утварь. У стены даже был сложен небольшой каменный очаг, соединённый снаружи ходом для дыма и вентиляции.

Большинство вещей здесь были старыми, но вполне пригодными. Для двоих, которые много дней пробирались по холоду, это место оказалось настоящим убежищем: безопасным и тёплым.

Сбросив поклажу, Жун Фэн взял стоявший у стены большой обожжённый глиняный кувшин и пошёл к озеру впереди - там лёд схватился лишь тонкой коркой, и можно было набрать воды. Бянь Хун тем временем собрал вокруг сухие дрова и, вернувшись, развёл огонь в каменном очаге. Когда пламя разгорелось, маленькая каменная комната стала светлее, а воздух заметно потеплел. Бянь Хун присел у огня, протягивая к нему озябшие руки.

Отблески пламени освещали его лицо - после стольких дней на холодном ветру кожа слегка покраснела, а теперь, под жаром огня, начала пощипывать и зудеть. Но он словно не чувствовал этого, наоборот, придвинулся ещё ближе к трескучему костру. Тихо и беззвучно, словно мотылёк, летящий на огонь.

К счастью, прежде чем этот «мотылёк» успел опалить крылья, вернулся Жун Фэн. Его появление разорвало застывшую тишину каменной комнаты - он обладал слишком сильным присутствием, чтобы его можно было не заметить.

Он ничего не стал добавлять, лишь принёс уже освежёванную и вымытую тушку зайца, затем долго и тщательно полоскал маленький железный котелок, которым давно не пользовались. Он знал, что юный ланьцзюнь любит чистоту, поэтому промывал его снова и снова. Вода из глиняного кувшина была ледяной, в ней ещё плавали осколки льда, и руки, погружённые в неё, сводило до ломоты в костях.

— Сварим суп, — сказал он.

Услышав это, Бянь Хун повернулся, отступил немного от ослепительного огня, принял из рук Жун Фэна вымытый котелок, подбросил в очаг несколько поленьев и поставил его на сильный огонь. Дождавшись, пока стенки прогреются и высохнут, он достал из узла приправы, а также собранные по дороге дикие ягоды и два крупных, стойких к холоду гриба-вешенки.

Сначала он вытопил в котелке жир, вынутый из кроличьего брюха - заготовку на зиму, - затем добавил соль, молотый имбирь и немного бадьяна. Зайца, которого Жун Фэн разорвал голыми руками, он опустил в котелок и быстро обжарил, после чего залил водой, промыл кисло-сладкие ягоды и грибы и тоже отправил их в суп вариться. Вскоре вода закипела, и аромат наваристого заячьего супа наполнил всё маленькое каменное убежище. Запах еды придал этому тесному подземному пространству, прозванному «курганом», немного уюта и живого человеческого тепла.

Мясо дикого зайца трудно разварить - после закипания бульона его нужно ещё долго томить на слабом огне. Бянь Хун, обернувшись, увидел, что мужчина сидит у очага, словно тот бурый медведь, которого он встретил у каменистой гряды: свернувшись рядом с жаром, сторожит дымящуюся кастрюлю с супом.

В тёмной каменной камере было слишком тихо, и это начинало тяготить Бянь Хуна. Он посмотрел на профиль Жун Фэна и вдруг подумал, что стоит заговорить, сказать хоть что-нибудь.

— В прошлый раз... как ты получил рану?

Жун Фэн обернулся и с некоторым удивлением посмотрел на Бянь Хуна. Юный ланьцзюнь редко заговаривал с ним первым: он всегда держался отстранённо. Хотя они прожили вместе уже немало дней, делили одну крышу и одно ложе, сказанных между ними слов можно было пересчитать по пальцам.

— По дороге обратно с гор наткнулся на шайку разбойников, — ответил он. — Спас нескольких человек.

Бянь Хун кивнул: он и сам думал, что рана на плече и спине мужчины похожа на удар ножом.

— Такое часто случается?

— Как повезёт. Если встречаешь, приходится вмешиваться.

Но, вспомнив тот день, сидя сейчас рядом с кипящим котлом, в присутствии другого человека, Жун Фэн вдруг ощутил запоздалое возмущение. Он повернул голову и с непривычной прямоотой сказал:

— Я их спас, а они от меня же и разбежались. Выходит, я страшнее, чем настоящие бандиты?

Раньше он никогда не говорил о таком с матерью.

Бянь Хун, услышав его жалобу, понимающе закивал:

— Они даже не помогли перевязать рану. Когда я потом разрезал одежду, всё было в крови. Такие люди и правда не стоят того, чтобы их спасать.

Жун Фэн не стал говорить, что тогда один низенький мужичок всё-таки не убежал - всхлипывая, подошёл, хотел осмотреть рану. Но ему было не до того: он нетерпеливо отмахнулся, подхватил товар, который нёс с горы, и сразу же ушёл домой.

И вот теперь, в этом словно отрезанном от мира горном краю, где, казалось, существовали только они вдвоём, у очага с мягко пылающим огнём, Бянь Хун сидел на звериной шкуре, обняв колени, и тихо, негромко, фраза за фразой, говорил с мужчиной. А Жун Фэн на самом деле был не таким уж молчаливым, холодным и жёстким, каким казался обычно. Он тоже был человеком - с уязвимой душой, со своей чувствительностью; возможно, ему так же нужны были обещания, любовь и признание.

— Где твой дом?

Какая земля и какая вода могли взрастить такого человека, как этот юноша: телом хрупкого, но внутренне стойкого и упорного; с легко ранимыми нервами и сильным сердцем; внешне сдержанного и холодного, но исполненного сочувствия, такого странного и особенного.

Может быть, из-за спокойствия момента, а может, потому что в этой тихой горной глуши больше не было ни одной живой души, Бянь Хун немного помедлил и всё же не назвал ту деревню, где когда-то жил Минь Си. В его чёрных глазах отражался пляшущий огонь.

Помолчав немного, он протянул руку под самую глубь одежды и осторожно, с почти благоговейной бережностью, достал несколько бумажек, завернутых в мягкую ткань, уже помятых, с надорванными уголками, истёртых временем.

— Вот здесь и напечатано, — сказал он.

Жун Фэн никогда не видел столь тонкой, да ещё и многоцветной «картинки». К тому же она была двусторонней: с одной стороны портрет человека и какие-то незнакомые знаки, с другой - горы, реки и пейзажи.

— Это изображены твои родные?

Бянь Хун посмотрел на портрет на лицевой стороне купюры, на который указывал Жун Фэн, и невольно улыбнулся, покачав головой:

— Нет... нет.

Но, отрицая, он всё же снова и снова вглядывался в крошечное изображение лица, касался его пальцами, и в конце концов кивнул:

— Да. Родные.

Жун Фэн взял одну из бумажек и долго рассматривал её. Он подумал, что если бы можно было так же навсегда сохранить на бумаге облик его матери, то в минуты тоски он мог бы доставать его и смотреть.

Затем Бянь Хун, перебирая свои единственные уцелевшие тридцать пять юаней - всё, что ещё связывало его с прошлым, - по одной показывал Жун Фэну пейзажи на оборотной стороне купюр. Их головы незаметно склонились совсем близко друг к другу. При свете огня Бянь Хун указывал: на одном юане - «Три пруда, отражающие луну», на пяти - Тайшань, на десяти - Куймэнь.

Величественные и могучие, прекрасные земли.

— Очень красиво... а где же твой дом? — спросил Жун Фэн.

От этого, брошенного как бы невзначай вопроса, Бянь Хун замер. Потом опустил голову и стал аккуратно, по одной, убирать повреждённые купюры обратно.

— Пожалуй... нигде, — сказал он.

Подумав немного, добавил:

— Но в то же время везде.

Жун Фэн не был склонен доискиваться до конца. Ему лишь казалось, будто они обменялись чем-то сокровенным. Ланьцзюнь узнал о его тайной, отрезанной от мира горе. А он - о его странной, прекрасной, словно написанной на картине, прежней родине.

□□—

Заячий суп как раз дошёл до нужной кондиции. Жун Фэн достал две глиняные чашки, тщательно их сполоснул и вместе с Бянь Хуном разделил содержимое котла. Он никогда не отрицал: у этого юноши были поистине удивительные руки - самые простые продукты в его исполнении становились особенными и необыкновенно ароматными. Горячий суп, впитываясь в лепёшку, успокаивал уставший после долгого пути желудок и согревал сердце, продрогшее под холодными ветрами.

Оба чувствовали сонливость. В маленькой каменной комнате имелась лишь одна кровать - не слишком широкая, поставленная неподалёку от очага. Хотя она была старая, древесина оказалась отменной: ни следа жучков, доски отливали глубоким золотистым цветом и источали тонкий аромат благовоний.

Жун Фэн неловко кашлянул:

— Ну... ты спи на кровати. А я тут, у очага, устраюсь.

Хоть в каморке и горел огонь, место давно пустовало, и в это время года от пола тянуло холодной сыростью.

Наконец появилась возможность как следует отдохнуть, не по очереди сторожа ночь. Бянь Хун расстелил звериную шкуру на деревянной кровати, затем сам забрался к стене, оставив мужчине достаточно места, чтобы лечь во весь рост.

— Ложись, — тихо сказал он. — На полу холодно.

Жун Фэн поколебался, но всё-таки подошёл и лёг рядом.

Это был первый раз, когда они спали на одном ложе без преграды в виде детей, вплотную друг к другу, так близко, что почти можно было уловить биение сердца другого. Бянь Хун думал, что будет тревожиться и не сможет уснуть, но этого не случилось: совсем скоро, согретый мощным живым теплом мужчины, он погрузился в глубокий сон.

Жун Фэн же не спал. Он лежал неподвижно на узкой кровати, тело его было чуть напряжено; он боялся повернуться, чтобы не разбудить того, кто тихо, ровно, спокойно дышал рядом. Теперь ему достаточно было одного дыхания, чтобы понять: Бянь Хун уже действительно уснул.

Возможно, если бы сейчас произнести эту фразу, она обрела бы для него особый смысл: «Сто лет - чтобы плыть в одной лодке, тысяча лет - чтобы делить одно ложе».

Глубокой ночью человек рядом вдруг резко перевернулся и поднялся. Бянь Хун тоже проснулся; обернувшись, он увидел, как Жун Фэн в несколько шагов оказался у входа, накиннул лук на плечо, приладил короткий нож и собирался открыть каменную дверь, чтобы выйти наружу.

Бянь Хун поспешно сел:

— Что случилось?

Лицо Жун Фэна было напряжённым и серьёзным. Он подтянул тетиву лука.

— В горах что-то неладно со звуками. Я пойду посмотрю.

Бянь Хун мгновенно пришёл в себя, схватил из угла каменной каморки изогнутый нож, оставленный здесь на всякий случай, обулся и последовал за ним.

— Я тоже пойду.

Жун Фэн не стал возражать. Он знал: пусть тело у юноши и не слишком крепкое, но в руках у него есть умение. И потому они вдвоём, под холодным лунным светом, вышли из каменного убежища и направились в сторону тревожного шума, доносившегося из тёмного горного леса.

Казалось, Жун Фэн от природы знал, как передвигаться по горам в ночной темноте; Бянь Хуну оставалось лишь неотступно следовать за его шагами.

Поначалу Жун Фэн решил, что что-то случилось с волчьей стаей. Он опасался повторения того, что произошло в прошлый раз, когда заражённые бешенством волки, обезумев, напали на всё вокруг. Он ускорил шаг, почти бежал, следуя цепочкам следов, оставленных стаей на снегу. Лишь когда небо начало чуть-чуть светлеть, ему наконец удалось настичь волков.

В тусклом утреннем свете крепкая стая как раз завершила охоту. Они отбили взрослого самца оленя от стада и, подчиняясь командам вожака, окружили добычу, загрызли её, а затем оттащили в безопасное место, чтобы начать пир.

В каждом сообществе живых существ есть свой порядок, свои роли и иерархия. Сторожевые волки уже заметили Жун Фэна: они прижались к земле, глухо зарычали, предупреждая незваного гостя. Но затем, приподняв влажные чёрные носы, принюхались и вдруг замялись, словно не зная, как им поступить дальше.

А в самой стае пир уже подходил к концу: у волков морды были измазаны кровью, от оленя остались лишь мягкие остатки и костяк, над которыми теперь возились волчата, с трудом стачивая ещё неокрепшие зубы.

Услышав предупреждающие звуки сторожевых волков, вся стая собралась вместе, прикрывая добычу и детёнышей, и развернулась навстречу Жун Фэну и Бянь Хуну. Их зеленовато-светящиеся глаза неотрывно следили за людьми. Волки - дикие хищники, и их угроза для человека ощущается на уровне инстинкта. Бянь Хун потянул Жун Фэна за рукав, пытаясь удержать его.

Жун Фэн же снял с плеча лук и передал его Бянь Хуну:

— Ничего. Ты стой здесь, я подойду, посмотрю.

Бянь Хун не посмел двинуться. Он замер, словно окаменев, и смотрел, как Жун Фэн шаг за шагом приближается к стае, пока из расступившихся волков не вышел один крупнее и свирепее остальных. Это, должно быть, был вожак. Бянь Хуну казалось, что все волки одинаковые, но Жун Фэн различие уловил сразу.

В стае сменился вожак. Обычно старый волк, уступивший место, всё ещё остаётся жить в клане и находится под защитой, но его положение уже не прежнее: печень добычи и прочие лакомые куски ему больше не достаются первыми. Однако разноцветные глаза Жун Фэна обошли стаю кругом, и он так и не увидел прежнего старого волка-вожака, с которым у него когда-то были негласные отношения. В груди шевельнулась тихая печаль: если прикинуть по времени, прежний вожак, должно быть, умер своей смертью, от старости.

Новый предводитель был Жун Фэну незнаком. Он был моложе, сильнее, и его нрав ещё не смягчили годы. Но, став вожаком, он тоже бывал у Камня Горного Владыки и знал запах Жун Фэна и Бянь Хуна. Он не отдавал приказа изгонять Жун Фэна, лишь сохранял настороженность. Жун Фэн понаблюдал ещё немного. В противостоянии с новым вожаком он убедился, что со стаей, по-видимому, всё в порядке, сам предводитель выглядит здоровым. Значит, следовало продолжать путь и искать другую причину.

Но в этот момент Бянь Хун тихо окликнул его:

— Эй, смотри... за деревом есть волк, у него что-то на лапе.

Услышав это, Жун Фэн перевёл взгляд, и новый волчий вожак тоже мгновенно заметил неладное. Его массивное тело настороженно встало между Жун Фэном и тем волком. Поэтому

Жун Фэну пришлось действовать медленно, шаг за шагом. Ему нужно было сначала установить доверие с молодым вожак. Он слегка согнулся и начал осторожно приближаться. Они стали обнюхивать друг друга, узнавая запахи. Жун Фэн показывал максимальную миролюбивость, и в конце концов вожак всё-таки позволил ему подойти к волку, стоявшему за деревом с чем-то привязанным к лапе.

Предводитель стаи был тесно связан с этим волком, по виду, это была его самка. Вожак подошёл, ткнулся мордой в её шею, а затем встал рядом, не сводя глаз с Жун Фэна. Подойдя ближе, Жун Фэн увидел: на лапе волчицы была грубая железная проволока - ловушка. Обычные деревенские жители, лова в горах фазанов или диких уток, ставили такие петли лишь по краям горы и изредка, из пеньки. Если попадалась мелкая живность, это считалось удачей, можно было добавить мяса на стол. А если случайно в петлю попадал крупный зверь, удержать его она всё равно не могла: стоило дёрнуться, и он освобождался.

Но с такой тщательно изготовленной железной проволокой всё иначе: зубам большинства зверей её не перекусить. Попав в такую ловушку, в лучшем случае животное, сломав ногу, вырывается и уходит, а в худшем, если петля затянулась на шее, чем сильнее оно бьётся, тем туже она стягивается, пока не задушит его насмерть.

Эта волчица ещё, можно сказать, справилась сама, по крайней мере, нога не была сломана. Но проволока всё равно глубоко врезалась в мясо передней лапы; если не помочь вовремя, конечность рано или поздно отомрёт.

Жун Фэн успокаивающе протянул руку, давая волчице привыкнуть к его запаху, а затем осторожно попытался ослабить туго затянутую проволоку. Волчица не укусила, но от боли тихо заскулила. Волчий вожак тут же уставился на Жун Фэна и зарычал, явно готовый в любой момент броситься в атаку.

У Бянь Хуна сжалось сердце. Он тут же, не сходя с места, натянул лук, наложил стрелу и навёл наконечник на вожака. Лук Жун Фэна был слишком тугим, неизвестно, на сколько шэ. Ему с трудом удавалось удерживать тетиву; мышцы руки дрожали от непосильного напряжения, но он всё равно сжал губы и не отпустил.

Жун Фэн тоже среагировал молниеносно. Он наметил ключевое место, где была стянута проволока, и в тот миг, когда вожак отвлёкся на Бянь Хуна с натянутым луком, резко рванул рукой. Его ладони были поразительно сильны - он силой разорвал туго стянутую металлическую петлю. Волчица уже собиралась вскрикнуть от боли, но, опустив голову, вдруг почувствовала, что лапе стало легче. Она тут же бросилась удерживать своего спутника, который был готов вцепиться в Жун Фэна.

Молодого вожака она ухватила зубами за загривок и прижала к земле, лишь тогда напряжение окончательно спало. Но Жун Фэну было не до волков. Он мгновенно развернулся, бросился к Бянь Хуну и встал у него за спиной. Протянув руки, он принял на себя натянутую тетиву из дрожащих пальцев Бянь Хуна, сняв с его рук непосильную нагрузку, затем медленно ослабил тетиву и опустил стрелу.

Бянь Хун был весь в поту, тяжело дышал, но, подняв голову, с облегчённой улыбкой сказал:

— У тебя лук слишком тугой... Я едва смог его удержать.

Жун Фэн опустил взгляд и наткнулся на чуть посветлевшие глаза Бянь Хуна - и на миг застыл. Тут же сердце у него заколотилось, а по всему телу разлился жар. Он подумал, что, должно быть, это от пережитого испуга.

Волки наконец снова приняли Жун Фэна, а Бянь Хун, оставаясь рядом, достал приготовленную дома мазь и, присев перед волчицей, стал обрабатывать рану на лапе, оставленную туго затянутой проволокой. Волчица оказалась на удивление кроткой - она даже наклонила голову и слегка потёрлась о макушку Бянь Хуна. Правда, стоило ей сделать это всего несколько раз, как волосы у него на голове наэлектризовались: пряди встали дыбом и начали покачиваться на лёгком ветру.

Жун Фэн стоял неподалёку, рядом с новым вожаком, но взгляд его не отрывался от Бянь Хуна - маленькой фигурки, присевшей перед дикой волчицей. Ему казалось, что эти приподнятые пряди волос словно покачиваются прямо у него в сердце, «туда-сюда», вызывая щекочущее беспокойство.

После этого Жун Фэн и Бянь Хун не стали задерживаться у стаи. Они забрали с собой проволоку, ту самую, что использовали для ловли крупного зверя, и попросили волков провести их к месту, где был установлен капкан. Вскоре, на склоне горы, они обнаружили немало ловушек. Жун Фэн действовал умело и уверенно: петли, ямы, силки, ловушки на деревьях - всё он по ходу разбирал и обезвреживал дочиста. Если же в какую-то из них уже попало животное, он неизменно освобождал его и отпускал.

Однако Жун Фэн понимал: необходимо устранить сам источник. Пока не будет найден и остановлен тот, кто с таким умыслом расставляет капканы, дело нельзя считать завершённым.

И вскоре идущий рядом с ним юноша вдруг побледнел, словно его сейчас вырвет. Жун Фэн тут же шагнул ближе, поддержал Бянь Хуна за спину, чтобы тот не оступился, и тихо спросил, наклонившись к нему:

— Что случилось?

Бянь Хун стиснул зубы и, с трудом подбирая слова, выговорил их одно за другим:

— Поблизости... мёртвый человек.

Запах человеческого тела, начинающего разлагаться, - густой, кровавистый, гнилостный - был для него слишком знаком. Настолько, что в голове одна за другой вспыхивали прежние картины. Ему стало невыносимо плохо, и он непроизвольно придвинулся ближе к мужчине,

ища опоры.

Сердце Жун Фэна сжалось. Он отвёл Бянь Хуна к наветренной стороне леса. Горный ветер разогнал мутный, тяжёлый запах, и лицо Бянь Хуна понемногу стало выглядеть лучше. Затем Жун Фэн в густой траве обнаружил труп: тело было изодрано зверьём до неузнаваемости. Рядом, на земле, валялся тканевый мешок, из которого высыпались неиспользованные железные силки и инструменты для разделки крупной добычи.

Похоже, засада не удалась - охотник сам стал жертвой.

Жун Фэн даже не моргнул: подхватил тело и сбросил его в ближайшее горное ущелье, опасаясь, что трупный смрад доберётся до юноши. Затем он набрал чистого снега, тщательно вымыл руки и лишь после этого вернулся за Бянь Хуном. Вдвоём они продолжили путь, следуя по немногочисленным зимним следам в лесу, выслеживая тех, кто был причастен к случившемуся.

Днём им повстречались несколько разрозненных обезьян. Казалось, они тоже искали свою стаю: время от времени забирались на деревья и кричали «а-уо, а-уо», подзывая сородичей. У всех были раны - у кого тяжёлые, у кого лёгкие, а золотистая шерсть была перемазана грязью и кровью. Старого вожака и основного стада нигде не было видно.

Когда солнце стало клониться к закату, Жун Фэн и Бянь Хун, следуя по следам, вышли к берегу горного озера у самой окраины хребта. Обезьянья стая действительно была здесь: золотистые силуэты метались по ветвям, крики звучали тревожно и беспокойно.

Бянь Хун поднял взгляд и увидел, что посреди замёрзшего озера, там, где прежде не было ничего, привязана маленькая обезьянка. Она беспомощно дёргалась, дрожала от холода. Вокруг, по кромке льда, были расставлены ловушки, а ниже, в припорошенном снегом месте, местами угадывались человеческие фигуры, затаившиеся в ожидании добычи.

Бянь Хун смотрел на ту самую обезьянку, что ещё недавно провела ночь, свернувшись у него на груди. Теперь она дрожала от стужи, одинокая и беззащитная, отчаянно пытаясь вырваться и звать на помощь. На её теле виднелась кровь, неясно, откуда была рана. Её сделали приманкой, живой наживкой, чтобы истребить её родных и сородичей.

Крик маленькой жизни ударил точно по той натянутой до предела струне в душе Бянь Хуна.

Жалобный крик маленькой обезьянки наложился на предсмертные вопли друзей под обломками землетрясения; затем обернулся плачем юного товарища, забитого до смерти в шахте; затем воем единственного выжившего ребёнка на пепелище вырезанного врагом города; и, наконец, беспомощным всхлипыванием Юаньдина и Гуаньбао, прятавшихся в заброшенном сарае, голодных и обессиленных.

Добро и зло - всего лишь на расстоянии одного помысла.

Бянь Хун, с налитыми кровью глазами, холодный и одинокий в своей решимости, поднял руку и с металлическим звоном выхватил из ножен кривой клинок.

<http://bllate.org/book/13502/1199907>